

**Особенности организации семантического пространства
социальной деятельности по достижению цели,
репрезентируемого глагольными лексемами**

Антропоцентрическая парадигма в современном языкознании выводит на первое место человека, важнейшим свойством общения которого является язык. Когнитивное направление лингвистики пытается выяснить, каким образом знания о мире преломляются в человеческом сознании и какие механизмы задействованы в их репрезентации на языковом уровне. Иными словами, исследуется человек в языке и язык в человеке.

В настоящее время особую популярность приобрела теория концептуальной интеграции, которая, на наш взгляд, способствует переосмыслению многих проблем традиционного языкознания, в том числе соотношения языка и мышления. Дело в том, что в основе данной теории лежит важнейшее свойство человеческого сознания – устанавливать связи между различными ментальными пространствами. Постоянно формируясь в нашей голове, они являются тем гибким когнитивным конструктом, который обеспечивает связь между различными объектами и помогает выйти за рамки непосредственно наблюдаемого.

Структурированные фреймами, ментальные пространства способны накладываться одно на другое, образуя своеобразный «гибрид». При этом, как и в биологии, наследуются какие-то исходные признаки и возникают новые, создавая иной фрейм с присущими уже только ему свойствами.

Ментальное пространство – абстракция, конкретная форма которой задается объемом лексико-семантической парадигмы, т. е. репрезентирована на языковом уровне вариативным набором компонентов в составе тех или иных лексем.

Предметом настоящей статьи являются глаголы социальной деятельности по достижению цели (aim, arrive, acquire, achieve, attempt, attain, accomplish, battle, deserve, emulate, exceed, excel, fulfill и др.), выбор которых не случаен.

В последние десятилетия в связи с антропоцентрической направленностью лингвистики, а также постулатами когнитивной семантики возрастает интерес языковедов к возможности репрезентации различных видов жизнедеятельности человека, а также способов его взаимодействия с окружающей средой. В системе языка глаголы социальной деятельности по достижению цели отражают многозначность концепта человеческой деятельности как процесса восприятия мира.

Мы попытались исследовать механизмы репрезентации данного концепта на языковом уровне, опираясь на вышеупомянутые теории и направления. При этом нам показалось необходимым обобщить и систематизировать знания о феномене из других наук, что способствовало, на наш взгляд, более полному представлению о человеческой деятельности в языковом сознании.

Анализ деятельности человека как социально сформировавшейся активности показал, что в нее в самых общих чертах включаются:

- *субъект*, наделенный активностью и направляющий ее на объекты и других субъектов;
- *объект*, на который направлена активность субъекта;
- *активность*, выражающуюся в том или ином способе воздействия субъекта на объект в определенном месте и в конкретное время.

Однако основанием деятельности человека всегда является сознательно формулируемая цель. Именно она побуждает к деятельности и придает ей смысл. Цель, как правило, более или менее отдалена, следовательно, она воплощается в образе дороги, уходящей в будущее.

Достижение цели не полностью контролируется субъектом в силу наличия каких-то трудностей или препятствий на пути. Иными словами, желаемое является не гарантированным, а всего лишь вероятным, т.к. предмет стремлений в том или ином отношении недоступен.

Цель, в отличие от мечты, предполагает активные действия субъекта по ее достижению, а потому она четко формулируема и обязательно предельна, иначе деятельность человека потеряла бы всякий смысл.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о структуре цели: *осознанность; волевитивность; конкретизированность; реальность в представлении субъекта; предельность.*

Итак, ситуация социальной деятельности по достижению цели может быть объективирована концептами «цель» и «деятельность». При этом в результате концептуальной интеграции возникает новое ментальное пространство, обладающее признаками указанных, но, во избежание хаоса, по-другому структурированное. Фрейм полученного интегрированного концепта представляет собой синтез исходных ментальных пространств и способствует реализации свойства человеческого сознания к постоянному созданию новых.

Можно предположить, что особенности концептуализации пространства являются источником семантических свойств глаголов данной группы и обуславливают их языковое поведение.

При всех различиях у перечисленных глаголов обнаруживается некая общая идея, которая состоит в том, что между исходной и конечной точкой, т.е. замыслом и достижением цели, нет простого пути. Цель требует, чтобы доступ к ней был затруднен, а наличие преграды повышает ее ценность и мотивирует деятельность. Конкретные типы трудностей и препятствий – это

особенности ситуации, а не семантики глагола. В самих глаголах содержится лишь общая идея наличия таких препятствий.

Очевидно, что субъект является центральным актантом в ситуации социальной деятельности по достижению цели. Он представляет собой сложный семантический комплекс и «задает» синтаксический репертуар описываемой ситуации. Так, исследования фактического материала показали, что прототипическим субъектом в данном случае могут выступать одушевленные имена существительные или их субституты, наделенные признаками активности, волитивности, сознательности и др., т. е. способностью к осуществлению целенаправленной деятельности: «*It matters very little how he gained it*» (Dickens, 201).

Неодушевленный объект может выступать в качестве агенса действия лишь в результате метафорической или метонимической замены: «*The Seventeenth and Nineteenth Street line is earning one thousand dollars a day right now*» (Dreiser, 62).

В связи с тем, что деятельность по достижению цели возможна лишь при наличии активного субъекта, формы пассива для репрезентирующих данную ситуацию глаголов нехарактерны. Пассивные конструкции возможны, если реальный субъект, осуществлявший действие, словесно не выражен, а в предложении его место занимает объект: «...*the absolute accuracy with which his instructions were fulfilled was simply the logical result of his care*» (Stoker, 271).

Однако объект может носить агентивный характер, если субъект лишь каузирует деятельность, но сам ее исполнителем не является, т. е. происходит дифференциация инспиратора (вдохновителя) и исполнителя: «. . . *I could never use my speech-wings as God intended I should use them*» (Keller, 361).

Агенса действия, как правило, не отделим от бенефактора. Очевидно, что целеполагающий субъект ставит желательные для него цели и стремится к их достижению: «*He fights for what he wants*» (Conroy, 587). Если же цели ставятся и осуществляются в интересах кого-то, позиции агенса и бенефактора разделяются. При употреблении *to have to* или отрицательной формы глаголов *to want*, *to wish* погашается признак волитивности: «*I do not wish to interfere*» (Hardy, 295).

Итак, интеграция концептуальных пространств «цели» и «деятельности», в основе которых лежат фреймы, привела к созданию другого фрейма и появлению новых компонентов в значениях репрезентирующих его глаголов. «Развертка» семантических признаков субъекта как вершинного компонента полученного фрейма отражает специфику ситуации социальной деятельности по достижению цели.

Иными словами, теория концептуальной интеграции и фреймовая семантика способствуют представлению структурной и смысловой сложности мыслительных процессов в голове человека и их репрезентации средствами языка.